

говѣковаго прошлаго. На стражѣ французскаго театра всегда стоялъ актеръ, хранившій всѣ воспоминанія бытія и всѣ стремленія настоящаго. При встрѣчѣ съ русскимъ театромъ онъ отдастъ дань восхищенія его поразительному искусству, но еще строже хранить переданную ему съ древнихъ вре-

мень традицію актерскаго суверенитета и память о томъ, что нѣкогда одинъ актеръ безъ сцены и безъ помощниковъ могъ создать передъ толпою настоящее театральное представленіе. Ибо театръ есть прежде всего актеръ.

Ю. Сазонова.

Два лика евразійства

Появленіе въ Евразійскомъ издательствѣ анонимной брошюры «Евразійство», за которую, очевидно, евразійцы принимаютъ на себя отвѣтственность въ цѣломъ, излагающей основы идеологии и программу -- это послѣднее въ особенности важно -- евразійства, показываетъ, что евразійство, «становившееся» -- съ момента великаго російскаго Исхода, наконецъ, «стало». О евразійствѣ теперь можно и нужно судить уже не по «утвержденіямъ» и вѣщаніямъ отдѣльныхъ евразійцевъ, которые во многихъ случаяхъ бредятъ рздно, а по категорическимъ заявленіямъ опредѣленнаго коллектива. Эти заявленія касаются весьма многого. Въ «Опытѣ» это многое искусно объединено, если и не всегда «идеологически», то словесно. Меня интересуютъ двѣ стороны евразійства, два его лика, которые, по моему, могли бы существовать и отдѣльно. Оба они интересны тѣмъ, что они **жизненны**, хотя каждый по своему

I.

Первый ликъ, такъ сказать, заключенъ въ самомъ названіи. Евразійство есть отрицаніе нѣкото-

раго безспорнаго и исключительно важнаго факта: Россія, т. е. Російская Имперія, есть Евразія и **всегда была Евразіей**. Это значить, что ея исторія есть исторія евразійской Имперіи и что формиро- ваніе націи и образованіе имперіи у насъ сливались и сливаются въ **одинъ** процессъ. Въ этомъ величайшее своеобразие русскаго историческаго развитія. Сравнимъ это развитіе съ развитіемъ другого мірового царства -- британской Имперіи. Здѣсь **первоначально**, въ тѣсномъ и рѣзко огражденномъ пространствѣ образовывается изъ ряда этническихъ группъ націо- нальное ядро. **Затѣмъ** начинается **двойной** процессъ. (1) процессъ «расширенія Англій (Secley), образованія «большой Британніи» (The greater Britain, sir Ch. Dilke) завершившійся на нашихъ глазахъ превращеніемъ «большой Британніи» въ «республику» (common wealth) «націй, говорящихъ по англійски» (the english speaking nations); (2) процессъ освоенія «провинцій», пространственно и культурно **постороннихъ** Англій, управляемыхъ «на разстояніи» -- и въ «республику» не входящихъ. Второй процессъ, впрочемъ, тя- готѣетъ приблизиться къ порво-

му, какъ и первый тяготѣть ко второму. (1) началомъ развитія «республики» былъ предметный урокъ, преподанный отпаденіемъ куска Британніи за моремъ, куска, который «Король въ Парламентъ» попробовалъ третировать какъ «провинцію»; (2) подвластные народы эмансипируются изъ подъ бригадной опеки и превращаются въ **Націи**, притязающія на то, чтобы стать вровень съ «доминіонами». Различіе между русскимъ и англійскимъ развитіемъ опредѣляется всецѣло тѣмъ, что какъ сама Англія, такъ и ея дѣлца, «доминіоны» и «провинціи», выросли на **Океанѣ** — весь этотъ конгломератъ и есть «Осеана» (Harrington) — тогда какъ русское развитіе есть развитіе **континентальное**. Современные обществѣды (Schulze Gaevernitz), правильно говорятъ о первоначальныхъ морфологическихъ различіяхъ мировыхъ океаническихъ и континентальныхъ «царствъ». Россія — Евразія принадлежитъ къ этому второму типу, какъ и Америка. Весьма замѣчательно, что «новый народъ», отделившійся на американской почвѣ отъ англійской націи и постепенно примирившійся съ тѣмъ фактомъ, что онъ составляетъ особую **націю** (притязанію этого должно препятствовать: заботы о суверенитетѣ отдельныхъ Штатовъ), принялъ имя по континенту, имя первоначально усваивавшееся только туземцамъ. «Американецъ» означаетъ то же самое, что «свразіецъ». Однако, даже свразійцы не собираются замѣнить этимъ именемъ имя «русскихъ». Отъ имени англичанинъ англичанамъ, порвавшимъ въ 1776 г. съ Англіей, было необходимо отречься именно потому,

что англичане уже нѣсколько столѣтій составляли **націю**. Провозглашеніе независимости в 1776г. и принятіе въ 1787 году федеральной Конституціи означало «рожденіе **Новой Націи**» — или даже «выдѣлку» ея (the making of the nation), катастрофическій переходъ изъ одной формы національнаго бытія въ другую, при сохраненіи уже готовыхъ, отстоявшихся, опредѣлившихся основныхъ элементовъ націи, каковы языкъ, вѣра, право «Новый народъ на Новой землѣ» обнаруживаетъ поэтому **съ самаго начала** очень рѣзкую англо-американскую національную исключительность, и притомъ, не только по отношенію къ туземцамъ и къ «прочимъ персонамъ», какъ стыдливо именовали негровъ-рабовъ, но и къ эмигрантамъ изъ Европы. Здѣсь, такимъ образомъ кончается аналогія между развитіемъ обѣихъ континентальныхъ имперій — «Новаго свѣта» и «Стараго», «Евразіи». Въ Евразіи не было **націй**, до образования **русской націи**, и **русская нація** не сватилась въ Евразію въ готовомъ видѣ съ какого-то другого полушарія, дѣ съ какого-то другого полушарія, а образовалась тутъ-же, въ самомъ процессѣ расселенія и скрещенія издревле обитавшихъ въ Евразіи народовъ. Это прекрасно выражено въ «Опытѣ», кладущемъ въ этомъ отношеніи конецъ недавнимъ этнографическимъ увлеченіямъ отдельныхъ «свразійцевъ» «Надо, читая въ «Опытѣ», осознать фактъ: мы не славяне и не туранцы (хотя въ ряду нашихъ біологическихъ предковъ есть и тѣ и другіе), а русскіе.. Было бы очень плохо, если-бы мы пытались противопоставить одно-

стороннему отождествленію русской культуры со славянской или славяно-греческою, столь-же одностороннее отождествленіе ея съ туранскою. Тогда бы мы оставались въ одной плоскости съ нашими противниками—внизу». (стр. 31). Конечно, процессъ образованія русской націи не былъ безразличнымъ толченіемъ въ одной ступѣ множества разнообразныхъ этническихъ частицъ; онъ протекалъ подъ руководствомъ **одной** народности, которая и сообщила «евразійской» націи свою индивидуальность, индивидуальность, однако, въ свою очередь **безконечно** расширяющуюся и обогащающуюся въ томъ же процессѣ ассимиляціи подчиненныхъ элементовъ. Та «общечеловѣчность»—русскаго чловѣка, его «широкость», то отсутствіе высокомерной брезгливости по отношенію къ подвластнымъ, которыя составляютъ сильную и вмѣстѣ съ тѣмъ слабую сторону русскаго національнаго характера, объясняется именно указаннымъ ходомъ русскаго національнаго развитія. Отсутствие пространственныхъ и **моральныхъ** перегородокъ между отдѣльными народами и племенами евразійской имперіи, и въ силу этого колоссальное богатство промежуточныхъ **оттѣнковъ** въ исключительной степени осложняютъ **національную** проблему въ «Евразіи». Тамъ, гдѣ Имперія росла **вмѣстѣ съ Націей**, росла **органически**, а не сколачивалась механически, путемъ захватовъ и удачныхъ браковъ (tu, felix, Austria, nibe). — тамъ ликвидація Имперіи во имя «самоопредѣленія народностей» и по этому принципу, принимаемому въ качествѣ единственнаго критерія, притомъ безъ вниманія

къ величайшимъ разнообразіямъ въ степени особенности каждой отдѣльной народности, означаетъ не просто расторженіе нѣкоторой сдѣлки, но, въ цѣломъ рядѣ случаевъ, «раздѣливаніе» по случайнымъ, искусственнымъ и неизбежно ложнымъ, **кажущимся**, признакамъ, органическаго процесса исторіи, которая **необратима**, умерщвленіе **живого субъекта** исторіи въ глупой надеждѣ замѣнить его нѣсколькими новыми. Трудность различенія «ядра» и «периферіи» въ Россійской имперіи, обусловленная указанными уже выше гео-политическими особенностями русскаго національно-имперскаго развитія, привела къ тому, что господствующая нація, представляющая собою столь сложное этническое и культурное цѣлое, стала парадоксальнымъ образомъ сама мыслиться какъ простой конгломератъ «народовъ», подлежащихъ «самоопредѣленію». Для всякаго, кто только способенъ исторически мыслить (а это совсѣмъ не то, что быть знакомымъ съ разной археологической трухой, «договорами», «универсалами— и проч.), ясно, что **русская нація** и пространственно и духовно есть нѣчто неизмѣримо болѣе широкое и многообразное, нежели ея этнической субстратъ — **великорусская народность**, и что заглаживать допущенныя въ прошломъ «правонарушенія» путемъ «раздѣливанія» русской національности это такая же дикая нелѣпость, какъ, скажемъ, «разденаціонализовывать» въ нынѣшней Италіи остготовъ, лангобардовъ, искуловъ, этрусковъ, умбровъ, кельтовъ и т. д.

А между тѣмъ это **уже дѣлается** въ Россіи, и отчасти извѣстно, что въ нѣкоторой части русской, но

подъ гнизозомъ **словъ**, дѣйствующихъ неотразимо на слабые головы, забывшей о своемъ происхожденіи, эмиграціи, совершаются приготовления къ осуществленію этого безобразнаго замысла въ еще большемъ масштабѣ. Однако, это зловѣщее по своимъ возможнымъ послѣдствіямъ только очень скудоумные и не желающіе ничего видѣть люди могутъ считать просто «измѣной». Оно является на дѣлѣ отвѣтомъ на коренившуюся въ такомъ же **нежизненномъ**, **формальномъ**, **бездушномъ** отношеніи къ безконечно сложной и богатой народной жизни пивеллирующую политику стараго Правительства, упорно не желавшаго считаться съ неустрашимымъ фактомъ громаднаго множества **мѣстныхъ различій**, съ переживаниями племенныхъ и областныхъ павыковъ, традицій, понятій и потребностей съ наличностью, наконецъ, въ Имперіи дѣйствительно отдѣльныхъ народовъ, культуръ, языковъ и исповѣданій. Идея «единой недѣлимой Россіи» была бесплоднымъ вымысломъ, вербальной формулой, находившейся въ противіи противорѣчій хотя бы съ титуломъ Императора Всероссийскаго. — и продолжаться оставалась и теперь, послѣ утраты «царства Польскаго», и «великаго княжества Финляндскаго». И когда прогнвъ равнодушныхъ и нежизненныхъ идей «единой недѣлимой Россіи» и «самоопредѣленія народовъ» по діалектологическимъ признакамъ, евразійцы выдвигаютъ, съ одной стороны, идею единства русской націи, съ другой, идею **федерации** евразійскихъ земель и евразійскихъ народностей. То это свидѣтельствуютъ объ ихъ чутѣ исто-

рической реальности, и эта сторона евразійства заслуживаетъ величайшаго вниманія. При этомъ совершенно несущественно то, что евразійцы мечтаютъ о превращеніи — въ будущемъ — всего стараго континента отъ Вислы и Днѣпра и до Океановъ въ единую «Культуру - личность», въ православный міръ; несущественны и ихъ утвержденія, что «язычники Востока «потенціально» ближе къ единственному истинному христіанству, т. е. православію, нежели христіанскіе «еретики», т. е. протестанты и католики» — все это мѣрь, который ими культивируется врядъ-ли не изъ тактическихъ соображеній. Важно то, что евразійцамъ схвачены все свособразіе и вся сложность русской національно-имперской проблемы. Глубоко правильно ихъ пониманіе той истины, что въ условіяхъ континентальнаго развитія, при отсутствіи того, что можно было бы назвать «Pathos der Distanz», и ethos властвования и методы его должны быть совершенно иными, нежели методы западно-европейскаго имперіализма; важна **чистая идея евразійства**, несомѣнно соответствующая исторической реальности, и вытекающая изъ нея концепція **единой евразійской партіи**, аналогичной тѣмъ американскимъ партіямъ, которымъ принадлежитъ честь созданія и сохраненія Союза, партіямъ Гамильтона, Уэстера и Авраама Линкольна, на основаніи лозунга: Союзъ прежде всего.

Однако, высказывая это, я уже не столько излагаю воззрѣнія евразійцевъ въ ихъ настоящемъ видѣ, сколько намѣчаю пути возможнаго развитія **чистой идеи** евразійства. Сами евразійцы развива-

ють свою идею совѣмъ на другой ладъ, и въ томъ, какъ они это дѣлають, обнаруживается второй ликъ евразійства — ликъ соблазнительный, но и отвратный. Евразійство хочетъ стать единой партией. Однако, — не только единой, но и **единственной**. Единственной потому, что единственной несчетельницей абсолютно - истинной, православно-догматической **идеологии**. Этимъ притязаніемъ евразійства опредѣляется его отношеніе ко всѣмъ важнѣйшимъ очереднымъ проблемамъ русскаго національно - государственнаго и культурнаго развитія: (1) къ проблемѣ **имперской**, (2) къ проблемѣ **конституціонной**; (3) къ проблемѣ **религіознаго Возрожденія** и связанной съ нею проблемѣ отношенія Государства и Церкви.

Евразійская православная партия — внутренне - противорѣчивое понятіе, «Православіе» и «Евразія» — сферы несовпадающія. Православная Церковь выходитъ за пределы «евразійскаго континента». Нельзя же забывать, что и Греки, и Сербы, и Болгары, и Румыны. — такіе же православные, какъ и мы. Еще существеннѣе то, что въ пределахъ самой Евразіи имѣется немало такихъ «язычниковъ», которые никогда не помирятся со своимъ подчиненнымъ положеніемъ въ Имперіи, поскольку оно обусловливается вѣроисповѣднымъ признакомъ Буддизмъ и Исламъ только въ фантазіи евразійцевъ могутъ мыслиться «потечіятельнымъ православіемъ». Въ единую евразійскую партію, какъ ее себѣ рисуютъ евразійцы, не найдетъ себя доступа всякій сузіи въ вѣтхой Россіи языкъ, она будетъ закрыта не только для «шнѣ дикаго Туцуса», но и для милліоновъ от-

нюдь не дикихъ магометанъ, буддистовъ и евреевъ. Это будетъ, стало бытъ, не столько партія Союза, сколько — Союзъ Русскаго Народа. Евразійцы словно забыли о томъ, что въ «Евразіи», помимо **будущихъ** совладѣтелей континентальнаго «Царства», помимо отдаленныхъ вассаловъ Имперіи и ея возможныхъ союзниковъ, имѣются уже милліоны **русскихъ** гражданъ, связанныхъ съ Россіей и русской національностью множественностью связей, но гражданъ «инославныхъ» Евразійство, гонясь за призрачнымъ «Образомъ Совершенства» евразійскаго правдстваннаго Царства, оказалось не въ состояніи согласовать своей концепціи евразійской Имперіи со своимъ идеаломъ Православной Руси. Одно съ другимъ не совпадаетъ. Между единеніемъ и братствомъ по признаку **вѣроисповѣдному** и единеніемъ и братствомъ по признаку **гео - политическому** приходится дѣлать выборъ. Исходя изъ гео - политическихъ соображеній евразійство приходитъ къ идеѣ **федерации** Земель и Народовъ. Исходя изъ соображеній вѣроисповѣдныхъ, оно приходитъ (безразлично, высказано-ли это категорически, или нѣтъ) къ требованію безраздѣльнаго и неограниченнаго господства **одной категоріи гражданъ надъ** всѣми другими, или, — что на практикѣ въ евразійскихъ условіяхъ одно и то же, — такого же господства одного народа надъ всѣми прочими. Я не касаюсь здѣсь вопроса о томъ, что желательнѣе, цѣлесообразнѣе, жизнѣннѣе. Я только хочу указать, что совмѣстить одно съ другимъ нельзя. Евразійство въ этомъ пунктѣ непоследовательно, внутренне - противорѣчиво, несогласованно, —

быть может, неискренно,*) пусть и бессознательно.

Евразийство, разумеется не апология существующего в России режима. Евразийцы, напротив, призывают его к замѣнѣ режимомъ, который, по ихъ представлѣніямъ, являлся бы полной антитезой настоящаго; но если вчитаться и вдуматься въ «Опытъ», станеть очевиднымъ, что «антигега» оказывается прямымъ продолженіемъ «гега» и что тяготѣніе евразійства къ большевизму совершенно иного рода, гораздо существеннѣе и опаснѣе, чѣмъ то «подыгрываніе къ совѣтской власти», въ которомъ клеветнически обвиняютъ ихъ мерзвыя души. Я уже говорилъ, что «Опытъ» заключаетъ въ себѣ первую евразійскую программу для будущаго. Программа эта весьма несложна. Все остается, какъ оно есть сейчасъ съ той только — внѣшне ничтожной, по существу же колоссальной — разницей, что большевизмъ смѣняютъ антибольшевики, слуги антихриста слуги христовы. Большевики въ своихъ антихристовыхъ, цѣляхъ спасли русскую великодержавность, сохранили единство Евразии, а сверхъ того, оказали услугу своимъ настѣдникамъ, истребивъ такую же антихристову, какъ

*) Въ самомъ дѣлѣ, — какъ согласовать эту политическую программу съ учитываемыми «Опытъ» перспективами «свободнаго самоустремленія» въ предѣлахъ Евразіи «язычниковъ» къ «саморазвитію», что обязательно должно ихъ привести къ принятію православія? Какія ужъ тамъ самоустремленіе и саморазвитіе?

и они сами, русскую интеллигенцію, расчистивъ, такимъ образомъ, путь для русскаго Возрожденія. «Возрожденцамъ» же остается придти на готовое и занять мѣсто, которое большевиками будетъ очищено. Единая и единственная партія коммунистовъ-большевиковъ, носительница ложной, сатанинской, идеологии, замѣнится единой и единственной партіей, носительницей идеологии истинной, т. е. извлеченной изъ православной догмы. Угнетеніе тѣмъ самымъ смѣнится свободой, ибо подчиненіе Истинѣ есть свобода, и только подчиненіе Лжи составляетъ рабство. Принужденіе остается — въ «Опытѣ» есть намекъ на то, что и армія «политически воспитанная» сохранитъ свои настоящія функціи (стр. 57) *); но принужденіе свободы не исключаетъ. И не сказалъ ли Руссо, что когда гражданинъ призывается подчиниться рѣшенію «общей воли» и когда его принуждаютъ къ тому, то тѣмъ самымъ «его принуждаютъ быть свободнымъ»? Можно спросить себя, откуда наберется столько праведниковъ, чтобы образовать «панъ-евразійскую» единую и единственную партію и не случится ли съ евразійцами того же самого перерожденія, которое произошло и съ партіей, плинѣ господствующей, какъ только она стала господствующей, т. е. не затопятъ-ли и ее массы негодяевъ, жуликовъ и злодѣевъ, присасывающихся ко

*) Въ «Опытѣ» говорится о новой стратегіи. Контекстъ, олобрюющей «политическое воспитаніе» арміи, позволяетъ предположить, что подъ «новой стратегіей» разумеется стратегія, примѣняемая на «внутреннихъ фронтахъ».

всякой группѣ, обладающей властью, да еще и монополюальной независимо отъ «идеологій» этой группы. Въдѣ весь ужасъ положенія въ Россіи не въ томъ, что въ ней завелась большевизма и что они захватили власть, а въ томъ, что въ ней нѣтъ мѣста ни для какой оппозиціи. Я знаю, что на это должны отвѣтить евразійцы въ согласіи со всѣмъ духомъ ихъ нынѣшней идеологій: неваженъ моральный уровень личнаго состава партіи, важно только качество идеологій; точно также какъ съ точки зрѣнія Церкви не важны личныя качества священника, совершающаго мессу: благодать все равно передается **черезъ него** мірянамъ. Съ этой стороны евразійская идеологія, подобно суверенитету прусскихъ королей, пезыблема «Wie ein Rocher de Bronze». На его собственной почвѣ состязаться съ евразійствомъ весьма затруднительно. Но къ счастью, однако евразійство иногда нисходитъ со своихъ высотъ въ наши долины (случается орламъ и ниже куръ спускаться), гдѣ слабое разумнѣе человеческое вступаетъ въ свои права. Извѣстно, что евразійство есть прежде всего въкоторая «философія исторій». Но въ то же время, оно считается и съ «просто исторіей». Евразійство призвано разрѣшить задачу, какъ которой бьется всякая философія исторій: показать что имманентное развитіе человечества, «wie es eigentlich gewesen», всецѣло совпадаетъ съ извѣчно предначертаннымъ провиденціальнымъ планомъ исторій. Все въ исторіи должно поддаться осмысленію: ничего не можетъ быть «лишняго», всему должно быть подыскано мѣсто. Но тогда возникаетъ вопросъ: какъ

«философско-исторически» оправдать и объяснить **совѣтскій строй** въ буквальный смыслъ этого слова, г. е., систему расположенныхъ въ іерархическомъ порядкѣ совѣтовъ? Съ точки зрѣнія исторіи вопросъ разрѣшается просто. Большевики не создавали совѣтскаго строя, а сохранили его формы, исказивъ его духъ, — тѣмъ, что свели выборы къ фактическому назначенію членовъ совѣтовъ. Они удержали формы совѣтскаго строя потому, что на первыхъ, по крайней мѣрѣ, порахъ, благодаря податливости и запуганности населенія, имъ легко было черезъ совѣты организовать диктатуру своей партіи; потому, что они игнорировали этимъ способомъ очки и «прочетаріямъ всѣхъ странъ», и европейскому общественному мнѣнію, и собственному народу (все таки «пипа власть»); но главное, потому, что совѣтскій строй это и есть тотъ будущій идеальный строй, который утвердится по минованіи нужды въ государственномъ принужденіи, когда Государства не будетъ, и останется одно только Общество. Уродливое сочетание совѣтской системы съ диктатурой одной партіи есть въ глазахъ большевиковъ явленіе временное. Но вотъ зачѣмъ «Опытъ» предусматриваетъ сохраненіе совѣтскаго строя при наличности сильной правящей партіи въ будущемъ и притомъ въ качествѣ чего-то нормальнаго и постояннаго? Къ чему? Въдѣ если монополюальности «истинной идеологій» признаютъ за собою **право на принужденіе** и не собираются никому втирать очки, то не проще-ли организовать управление по кромюлевскій образецъ — при помощи «генералъ-майоровъ», или

на яacobинскій — через «комиссаровъ»? Какъ въ «философско-историческомъ планѣ» оправдать и осмыслить совѣты? И вотъ показательно, что тутъ-то «Опытъ» и сдаетъ: орлы спускаются къ курамъ и черпаютъ свою аргументацию у теоретиковъ государственнаго синдикализма, Дюги и др. Равнымъ образомъ, отстаивая идею единств. и единственной партіи, «Опытъ» ссылается на примѣръ фашизма. Здѣсь не мѣсто спорить о преимуществахъ того или иного режима; ясно, во всякомъ случаѣ, что между различными формами необходимо слѣлать выборъ: или синдикализмъ, или фашизмъ, — или свобода, или диктатура. ибо непонятно, **зачѣмъ, съ какой цѣлью** требуется это напромаждшіе внутренне-прогнворъчивыхъ принципы.

Жизнь сложна и неточна, и смѣется надъ философией исторіи и надъ теоріей государственнаго права. Въ Россіи накапливаются и организуются силы, которыя вскорѣ, должно быть, покажутъ себя, и это надо признать. Но отъ такого признанія еще безконечно далеко до утвержденія «Опыта», что сочетание совѣтской системы съ диктатурой одной единственной партіи и есть та форма, въ которой совершеннѣе всего воплощается «идея» Государства вообще, и которая, въ то же время, всего болѣе соответствуетъ природѣ Евразіи, какъ специфической, единственной въ своемъ родѣ «культуро-личности». Главн. доводъ «Опыта» тотъ, что такая форма лучше демократіи европейскаго типа, лучше потому, что исходитъ изъ признанія нѣкоторой реальности, Государства, какъ

«культуро-личности», тогда какъ основа демократіи призрачна: теорія права демократіи исходитъ изъ допущенія нѣкоторой **ирреальной** величины, абстрактной личности, личности «въ себѣ», тогда какъ на самомъ дѣлѣ «личность» и «общество», «субъектъ» и «объектъ», суть только **коррелятивные понятія**. На внутреннюю лживость, теоретическую несостоятельность, фактическую несолидность, неустойчивость современной демократіи европейскаго (концептуальнаго) типа «Опытъ» особенно налегаетъ. Ничего поваго въ этомъ пѣтъ. Враждебная парламентарной демократіи литература въ настоящее время разраслась до чрезвычайности. Демократія, какъ она сложилась въ Европѣ нашихъ дней, подвергается нападкамъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. И не подлечитъ сомнѣнію, что не только политическая мысль, но и сама политическая **жизнь** переживаетъ сейчасъ явственный, затяжной и чрезвычайный послѣдствіями кризисъ. Но опять-таки современной демократіи и теоретически и фактически прогнворастается всегда что-либо одно. **либо** диктатура лица, партіи, арміи; **либо** основанные на реформахъ общества, конституціонные коррективы, имѣющіе цѣлью слѣлать «ложную» демократію демократіей «истинной»; противъ цѣлесообразности этихъ опытовъ можно возражать, но **логически** они все въполнѣ правомѣрны. Можно поэтому сослаться и на Дюги, и на теоретиковъ фашизма — поскольку дѣло касается **критики** демократіи, но обосновывать **положительную** программу, привлекая одновременно въ качествѣ

въ авторитетовъ и Дюги и Муссолини, — это въ лучшемъ случаѣ недомыслие *). Это — во-первыхъ. Во - вторыхъ, совершенно невѣрно, что публичное право демократіи зиждется не на понятіи Государства, какъ реальной «культуро - личности», а на ничему реальному не соотвѣтствующемъ понятіи абстрактной единичной личности. Понятіе Государства какъ «культуро - личности» есть секуляризованное богословское понятіе. Идея Государства, какъ нѣкоторой реальности, вышла изъ идеи Церкви, какъ мистическаго тѣла Христова. Эта идея влечетъ за собою и другую — идею **общей воли цѣлаго**, отличной отъ «воли всѣхъ». Въ комъ воплощается эта «общая воля», въ монархѣ-ли, въ диктатурѣ, въ «лучшихъ»-ли людяхъ, «прирожденныхъ», и «естественныхъ» представителяхъ народной массы, какъ въ феодалныя времена, въ партіи, объединившей въ себѣ умственно или матеріально господствующие элементы, и т. д., — это опредѣляется условиями времени, стадіей общественнаго развитія. **Никогда и нигдѣ «общая воля» не выявляется путемъ простого подсчета индивидуальных волеизъявленій, какъ этого — въ противорѣчій съ основами своего ученія — требовалъ Руссо.** Современная демократія держится не на человеческой пыли, а на прочно слагенныхъ **партіяхъ.** Можно доказывать, что организація **обще-**

ства для политическихъ цѣлей на основѣ **профессиональныхъ группъ** цѣлесообразнѣе и разумнѣе, нежели организація на основѣ партій, съ грубымъ приближеніемъ соотвѣтствующихъ опредѣленнымъ **классамъ;** — во всякомъ случаѣ невѣрно, будто требованіе сохранения совѣтскаго строя вытекаетъ съ неизбѣжностью изъ концепціи Государства, какъ культууро - личности. Изъ этой концепціи вытекаетъ **только одно:** идея Общей воли, присущей Государству, какъ цѣлому. И разъ ужъ евразійцы присвоиваютъ функцію реализаціи этой «общей воли» своей единой и единственной партіи, то совѣтамъ, какъ **государственнымъ** органамъ, явно уже дѣлать нечего. Такимъ образомъ, и въ этомъ пунктѣ евразійское построеніе, соблазняющее своей вѣдшею законченностью и своей кажущейся философскою глубиной, на самомъ дѣлѣ внутренне - противорѣчиво, **неискренно,** непродуманно, а сверхъ того и **несамостоятельно.** Признакомъ **новой идеологии** должна была бы служить смѣлость и оригинальность положительныхъ выводовъ. Мы видѣли, однако, что **ихъ нѣтъ.** Взять общество, находящееся въ стадіи революціонной переплавки, мысленно зафиксировать всѣ намѣчающіяся возможности оформленія и кристаллизаціи, вѣдше соединить ихъ и теоретически «оправдать» каждую изъ нихъ кусочками, надерганными изъ самыхъ противоположныхъ доктринъ, — это не творчество, это не «Возрожденіе»: это безсиліе, или лѣнь и вялость мысли. Евразійскій «идеальный» строй очень похожъ на того «идеальнаго» жени-

*) «Кооперативное Государство» Муссолини построено на принципахъ, представляющихъ собою извращеніе, а не развитіе принциповъ синдикализма.

ха, о которомъ мечтаютъ голелевская невьста.

IV.

Постепенно ознакомиваясь съ евразійствомъ, мы увидѣли, что его центральной идеей является идея Руси - Имперіи, Руси - Евразіи, какъ, если не осуществленной, то «заданной» **Культуро - Личности**, идея единства, политическаго и культурнаго, **православно - евразійскаго** міра - континента. **Само по себѣ** утвержденіе примата Руси, какъ носительницы высшей, христіанской, культуры и гражданственности въ Евразіи, не вызываетъ никакихъ возраженій, тѣмъ болѣе, что оно соответствуетъ и, несомнѣнно, при **любой** организациіи евразійской Имперіи, **будетъ** соответствовать дѣйствительному положенію вещей. И призывъ къ русскому культурно-му Возрожденію, подъ каковымъ понимается **религіозное** возрожденіе, не можетъ не вызвать сочувствія всякаго мало - мальски знакомаго съ исторіей и, слѣдовательно, знающаго, что **всякая** культура коренится въ религіи. И вовсе не надо раздѣлять **натуралистическую** теорію неизмѣнности культурно - историческихъ типовъ, чтобы все же стоять на той точкѣ зрѣнія, что Православное христіанство составляетъ *principium individuationis* Русской, а, слѣдовательно, въ значительной мѣрѣ и евразійской культуры. Но въ «программѣ» евразійства, какъ она изложена въ «Опытѣ», эти **предпосылки** даютъ начало выводамъ, заставляющимъ призадуматься — и именно о судьбахъ той цѣнности, которая для евра-

зійцевъ — и не для нихъ однихъ — является верховной — Православной Церкви. Все дѣло поргитъ ихъ проектъ «единственной правящей партіи». Существованіе этой, на «истинной», т. е. православно - догматической, основѣ образованной партіи гѣмъ самымъ создаетъ для Церкви **особенное** положеніе какъ въ «Евразіи», такъ и въ Национально - Государственномъ ядрѣ ея, собственно Россіи. Положеніе Церкви въ «Евразіи», т. е. въ русской Имперіи, будетъ, при наличности «правлящей православной партіи», неизбѣжно положеніемъ одного изъ органовъ имперскаго властвованія, — и этимъ самымъ уже опредѣляется ея положеніе и въ собственно Россіи. Этого - ли хотять евразійцы, такъ краснорѣчиво говорящіе о свободѣ Церкви? Если принадлежность къ господствующей, пускай непосредственно и не вмѣшивающейся въ мірскія дѣла Церкви, составляетъ все - таки политическую привилегію, то свобода Церкви **уже нѣтъ**. Чѣмъ свобода Церкви состоитъ вовсе не только въ ея неподчиненіи «какому офицеру». Евразійцы сами не разъ твердили, что кромѣ этого вида церковнаго рабствования есть другой, прикровенный и куда болѣе опасный рабствование Государственнымъ интересамъ и цѣлямъ, вытекающее изъ **властвующаго** положенія Церкви въ Государствѣ, рабствование «воинствующаго» католицизма. И вотъ я не вижу, чѣмъ, кромѣ вербальныхъ формулъ, освобожденная и отдѣленная отъ Государства Церковь въ евразійской Россіи будетъ ограждена отъ этого порабощающаго соблазна. Отношенія между

Государствомъ и Церковью евразійство въ своей программѣ рисуетъ весьма привлекательными красками. Церковь отдѣлена отъ Государства; однако не такъ, какъ въ безбожной Европѣ, гдѣ совершенно секуляризованное Государство прибрало въ свои руки всю культуру, оставивъ Церкви только молитвы и требы. Ложь, что религія есть «частное дѣло каждаго» Государство -- тоже личность, личность высшаго порядка, «Культура - личность». Религія есть также «его дѣло», какъ дѣло каждой единичной личности. Церковь освящаетъ всѣ отправления Государства, иначе -- что такое Государство, какъ не *magnum latrocinium*? Государство есть организованная форма выраженія народнаго духа. Не можетъ Государство, объединяющее православный по духу и культурѣ народъ, быть безъ-божнымъ, индивидуальнымъ по отношенію къ религіи этого народа иначе -- это не его Государство, чужая плоть, форма угнетенія **извнѣ**. Государство **не есть** Церковь, но оно пребываетъ въ Церкви, является ея членомъ. Государство должно **воспитывать** въ церковно-православномъ духѣ своихъ сочленовъ. Эти соображенія и эти требованія **неотразимы**, — если только раздѣлить общую философскую концепцію Евразійства. Концепція эта не нова, и она всегда и неминуемо порождаетъ самыя трагическія антиноміи въ сознаніи и въ жизни. Это — чистѣйшій средневѣковый «реализмъ». Онъ основанъ на смѣшеніи **идей** съ формами ихъ воплощенія. Церковь и Государство не суть матеріальныя «вещи», но **сферы** сознанія, обяза-

тельно **личнаго**, ибо никакого иного **нѣтъ**. «Церковь» и «Государство» это — **мои переживанія**. Поскольку же я раздѣляю эти переживанія съ другими, я вступаю съ ними въ общеніе въ этихъ сферахъ. Религія не есть «личное дѣло каждаго», потому что религіозное переживаніе обуславливаетъ общеніе вступающихъ въ **тѣ** и **требуетъ** этого общенія, даетъ начало Церкви, какъ выраженію во внѣ этой сверхличной, междуиндивидуальной «реальности» религиознаго переживанія. И **въ каждомъ индивидуальномъ сознаніи** эти сферы объединены именно въ силу общей ихъ принадлежности къ этому сознанію. Но столь же неизбежно **тѣ формы** общенія, которыя возникаютъ на почвѣ общности этихъ переживаній у тысячъ и миллионныхъ людей, **раздѣлены**, какъ по существу **сами по себѣ** раздѣлены и эти переживанія. И даже нельзя понять, какъ «Церковь» можетъ **дѣйствительно** воздѣйствовать на «Государство» иначе, нежели въ границахъ индивидуальной психической жизни. Организованныя формы общенія на почвѣ этихъ сферъ могутъ, конечно, быть приведены въ **тѣ** или иные отношенія соподчиненія. «Отдѣленная» отъ «Государства» «Церковь» въ лицѣ членовъ церковной іерархіи, можетъ, внушить Государству, чтобы оно предписало «мірянамъ» изучать законъ Божій, выбирать свѣтлѣйшій путь, соблюдать посты и т. д. **Больше** она ничего не можетъ **регламентировать** эти отношенія какъ-нибудь совершеннѣе, правднѣе, разумнѣе — **нельзя**. Никакого иного соответствующаго самой природѣ вещей от-

ношенія между христіанской Церковью и Государствомъ, кромѣ отношенія ихъ абсолютной **вѣнності**, быть не можетъ. Это потому, что въ предѣлахъ **личнаго** сознанія, гдѣ эти сферы реально объединяются, гдѣ ихъ объединеніе является нѣкоторой **конкретностью** (сращенностью), эта конкретность въ своей основѣ глубоко и неустраимо **трагична**. Пусть Государство есть «культуро - личность». Но вѣдь и каждый отдѣльный человекъ есть тоже личность. И для обѣихъ этихъ личностей христіанскій законъ, категорически запрещающій убійство, имѣетъ одинаковое значеніе. Между тѣмъ, причастность единичной личности къ Культуро - личности, къ Государству, влечетъ за собою требованіе участвовать въ дѣятельности Государства, сущность, которой есть **принужденіе**. То, чего личность не сдѣлаетъ **для себя**, въ своихъ интересахъ, она **обязана дѣлать для Государства**. Это не снимаетъ, однако, съ личности ея собственной моральной отвѣтственности. Быть «христіанскимъ воиномъ» значить эту отвѣтственность сознавать и терзаться ею. «Христіанское воинство» и «*militia Christi*» -- двѣ совершенно различныя вещи. Та абсолютная «симфоничность», о которой говоритъ евразійство, та гармонически - цѣлостная «культуро - личность», которая ему рисуется въ идеалѣ, — была бы Государствомъ - Церковью, античнымъ Государствомъ, гдѣ «*religio*» была **только** супранатуральной связью частей цѣлаго и **только** супранатуральной санкціей государственныхъ отношеній. Тогда вопросъ о разграни-

ченія сферъ «Государства» и «Церкви» былъ столь же невозможнымъ, столь же лишенымъ смысла, какъ, скажемъ, вопросъ о разграниченіи сферъ «Государства» и суда, «Государства» и арміи. Отдѣлить Церковь отъ Государства для того, чтобы затѣмъ какъ-то «соединять» формы вѣнностію обнаруженія этихъ сферъ, значитъ вносить въ отношеніе между соответствующими цѣлостностями ложь и фальшь. Возможно **вообще религиозное** отношеніе къ жизни, благоговѣніе передъ нею, какъ предъ проявленіемъ высшаго Начала — и это - то и есть **культура**, то, что, возвышаетъ насъ надъ животностью, только въ условіяхъ признанія высшей, абсолютной Цѣлности и мыслимо отношеніе ко **всякаго** рода культурнымъ цѣлостямъ, какъ таковымъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что существуютъ какія - то специфическія «религіозныя» формы государственнаго, хозяйственнаго и проч., чѣмъ-то отличающіяся отъ «безъ - религиозныхъ». Организованное, предусмотрѣнное, формальное подчиненіе этихъ функций Религіи и Церкви приводитъ только къ лицемерію, ханжеству, умаленію самой религіи и оскудѣнію религиознаго духа въ Церкви.

V.

Евразійская теорія въ своихъ основахъ не нова. Это — старое заблужденіе, существующее съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуютъ Государство и Церковь. Теоретическое опредѣленіе взаимоотношеній между этими идеальными величинами издавна наталкивается на затрудненія, кореня-

щаяся въ самыхъ особенностяхъ нашего дискурсивнаго мышленія, въ такой сильной степени зависящихъ отъ нашего обобщающаго и олицетворяющаго наши представленія языка.

Мы платимъ налоги, воюемъ, добываемъ и распредѣляемъ матеріальныя цѣнности и т. д., управляемъ такимъ образомъ самыя разнообразныя функціи и на этой почвѣ вступаемъ въ самыя разнообразныя сферы общенія съ себѣ подобными, причемъ наша принадлежность къ одной категоріи этихъ сферъ зависитъ отъ нашего свободнаго выбора, принадлежность же къ другой - принудительна. Совокупность связей и отношеній между людьми въ предѣлахъ первой категоріи мы называемъ **Обществомъ**, въ предѣлахъ второй **Государствомъ**. Наконецъ, есть третья категорія, вѣрнѣе — особая сфера между людскихъ отношеній, возникающихъ на почвѣ общенія каждаго изъ насъ съ Богомъ, а черезъ Него и другъ съ другомъ. Это — **Церковь**. Всѣ эти сферы **реальны**, поскольку онѣ намъ непосредственно даны **вмѣстѣ съ нами**, поскольку совокупностью и характеромъ отношеній между каждой единичной личностью въ предѣлахъ этихъ сферъ съ другими личностями опредѣляется и исчерпывается **индивидуальность** этой личности, такъ что, строго говоря, всѣ вмѣстѣ, **реально, въ непосредственной данности** онѣ составляютъ одну сферу, сферу **личнаго сознанія**. Поскольку же такихъ психическихъ сферъ общественнаго Всецѣлаго (Церковь-Государство - Общество) столько же, сколько и людей, и посколь-

ку эти сферы, въ силу того, что онѣ суть сферы **общенія** между людьми, при всемъ безконечномъ разнообразіи людскихъ индивидуальностей, имѣютъ между собою нѣчто общее, онѣ — **идеально** - реальны: каждой личной сферѣ соотвѣтствуетъ извѣстная **идея**, которая въ этой личной сферѣ реально дана и которая въ ней, въ этой личной сферѣ, по своему преломляется и проявляется. Отсюда легко можетъ возникнуть представленіе о какомъ - то самостоятельномъ, внѣличномъ бытіи идей и формъ ихъ организованнаго проявленія въ жизни, объ ихъ отношеніи къ ихъ реальнымъ членовѣческимъ посетителямъ, какъ отношеніи «причины» къ «слѣдствію», объ ихъ **первичности** и высшей по сравненію съ ихъ конкретными воплощеніями -- живыми людьми -- «степени достоинства». Отсюда уже возникаетъ и представленіе о неизмѣяемости по существу ихъ **свойствъ**, проявляющихся въ ихъ **формахъ**, а равно и родственное по своему происхожденію представленіе о **внутренней законмѣрности** ихъ эволюціонированія въ смыслѣ независимости послѣдняго отъ злой или доброй воли едличныхъ личностей, — «уклонъ», особенно характерный для евразіяства съ его нѣсколько маниловской увѣренностью, что все устривается какъ - то само собою къ лучшему и все служитъ приличнымъ предлогомъ къ празднованію именинъ сердца. На почвѣ этихъ же представленій возникаетъ и евразіяское ученіе о «соборности», оказывающееся, если примемъ во вниманіе ихъ программу (единственная партія плюсъ «политиче-

ски воспитанная» армія), теоріей, требующей полного поглощения человеческой личности «культурно-личностью». Евразійцевъ считаютъ учениками славянофиловъ, и сами они гордятся этой родословной. По праву - ли? Идея «соборности» - ключевой камень славянофильства. Но что понимали славянофилы подъ «соборностью»? Славянофилы были прежде всего **либералы**, хотя и особаго типа. Западно - европейской «гнилой» свободѣ, держащейся конституціонными подпорками, они противопоставляли свою, истинную свободу, никакихъ гарантій не требующую и основанную на христіанскомъ согласіи, на братской любви и взаимномъ довѣріи «Зем-

ли» и власти Идеи сверхличныхъ «реальностей» мыслились ими скорее въ качествѣ материнскаго лона, изъ коего каждая индивидуальная личность пріемлетъ свое бытіе и которое сообщаетъ ей свой обликъ, нежели въ качествѣ стихійныхъ силъ, играющихъ людьми, какъ вѣтеръ опавшими листьями. Портретная галлерія евразіійскихъ предковъ пестра и Аксаковыми, Кирѣевскими и Хомяковыми далеко не исчерпывается. Изъ-за ихъ благодушныхъ и величавыхъ ликовъ выглядываютъ въ ней физиономія Магницкаго и Архимандрита Фотія, и злобщая маска Лешина

П. Бицилли.

Политика и исторія въ „Исторіи русской революціи“ П. Н. Милюкова

Политика и исторія въ «Исторіи русской революціи» П. Н. Милюкова.

Русская революція не завершила еще своего бѣга. Не закончились еще ея *corsi e ricorsi*, не оформились результаты. Но и въ ходѣ еще незавершенныхъ процессовъ, въ самомъ теченіи того періода, которому только будущее призвано дать имя **Эпохи Русской Революціи**, уже собираются матеріалы и документы, составляются обвинительные акты и защитительныя рѣчи для грядущаго суда — Исторіи.

На ряду съ все возрастающими и съ дня на день становящимися все менѣе удобообозримыми матеріалами мемуарнаго характера, для будущаго судьбища по-

гда чрезвычайно высокой цѣнности, — дѣлаются уже сейчасъ, въ пылу еще не отшумѣвшихъ битвъ, попытки якобы объективнаго установленія фактовъ, ихъ группировки и объясненія. Появляются работы, пылающія дать не только хронику русской революціи, не только личныя о ней воспоминанія, но и ея исторію.

Наиболѣе значительной изъ такого рода работъ, посвященныхъ февральскому періоду русской революціи, является «Исторія (второй) русской революціи» **П. Н. Милюкова** въ трехъ томахъ-выпускахъ

Уже больше двадцати лѣтъ, какъ этотъ выдающійся представитель исторической науки, слѣдуя примѣру многихъ русскихъ